ПОЭТОГРАД

№ 22 (330)
Май
2018

Народная литературная газета

Газета Союза писателей XXI века и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»

Газета выходит с 2010 года 4 раза в месяц

В номере:

Выдающийся поэт России
Борис Слуцкий

Колонка издателя

Новости поэтограда

Светлана Леонтьева
Мы не одиноки

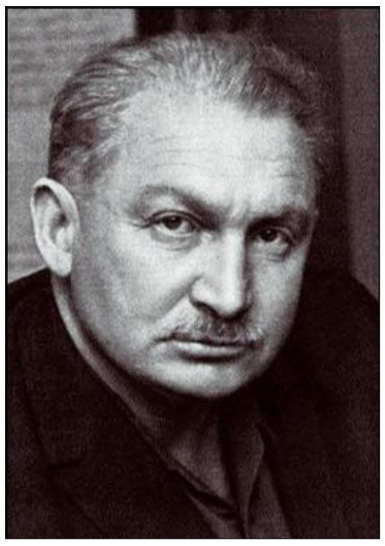
Инна Ряховская
Суть предметов

Илья Имазин
Дерево-преследователь

Пьедестал Поэтограда

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПОЭТ РОССИИ

БОРИС СЛУЦКИЙ (1919–1986)



* * *

Люди сметки и люди хватки
Победили людей ума –
Положили на обе лопатки,
Наложили сверху дерьма.
Люди сметки, люди смекалки
Точно знают, где что дают,
Фигли-мигли и елки-палки
За хорошее продают.
Люди хватки, люди сноровки
Знают, где что плохо лежит.
Ежедневно дают уроки,
Что нам делать и как нам жить.

(Стихотворение с портала www.futurum-art.ru)

КОЛОНКА ИЗДАТЕЛЯ

ИСТОЧНИК РАДОСТИ, ИЛИ КАК ЗАСНУТЬ

Я ложусь спать и думаю о своей прекрасной даче, которая, как правило, дарит мне много радости.

Я думаю о вековых могучих соснах и многолетних цветах, о пахнущей яблоками и деревом веранде и чердачном втором этаже, на котором я живу и радостно смотрю на уходящие в неведомую и манящую даль поезда.

Но дом ветшает, крыша на веранде иногда течет... Дача не всегда бывает источником радости.

Я начинаю думать о своей работе.

Я думаю о книгах, журналах и газетах, которые издаю уже много-много лет, о талантливых авторах, о новых проектах.

Но бизнес не всегда идет хорошо, в стране явный кризис, Трамп достал своими санкциями. Работы стало в разы больше, а денег в разы меньше. Работа не всегда бывает источником радости.

И тогда я начинаю думать о том, что самое прекрасное – это маленький листочек бумаги, авторучка и свобода воли, свобода думать на любые темы, свобода писать о чем угодно, свобода создавать то, что можешь создать только ты.

И я – счастливый! – засыпаю.

И мне снятся красивые, добрые сны.

Евгений СТЕПАНОВ

НОВОСТИ ПОЭТОГРАДА

НОБЕЛЕВСКИЙ КОМИТЕТ ОТКАЗАЛСЯ ОТ ВРУЧЕНИЯ ПРЕМИИ ПО ЛИТЕРАТУРЕ 2018 ГОДА

Нобелевский комитет объявил о том, что не будет вручать премию по литературе в 2018 году. Это решение принято на фоне скандала в Шведской академии, отвечающей за награждение и отбор номинантов.

На вручение премий 2018 года в других областях это не повлияет. В 2019 году вручение Нобелевской премии по литературе будет возобновлено.

В конце 2017 года Шведская академия, вручающая Нобелевскую премию по литературе, начала внутреннее расследование об утечке данных, в котором подозревался муж одного из членов организации. Его также заподозрили в сексуальных домогательствах к женщинам.

По данным шведских СМИ, подозреваемым является Жан-Клод Арно – 71-летний фотограф и театральный режиссер, муж поэта и члена Шведской академии Катарины Фростенсон. Он якобы систематически раскрывал посторонним имена будущих лауреатов Нобелевской премии по литературе, а также рассказывал, кто станет новым членом Шведской академии. Сам Арно все выдвинутые в свой адрес обвинения отрицает.

На фоне скандала в апреле 2018 года в отставку подала постоянный секретарь Шведской академии Сара Даниус.

(По материалам сайта премии «Большая книга»)

ТУРИСТЫ В ПОДМОСКОВЬЕ ПОСЕТЯТ ДАЧИ ПИСАТЕЛЕЙ НА «УСАДЕБНОМ ЭКСПРЕССЕ»

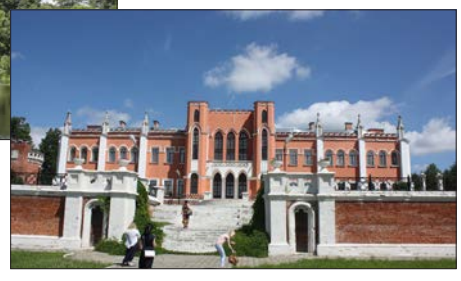
Учадьба Переделкино. Дача Пастернака

Подмосковные дачи известных писателей можно будет посетить на «Усадебном экспрессе». Проект подготовили Министерство культуры области и ЦППК.

Туристов ждет историко-культурный заповедник «Переделкино». В домиках этого поселка жили Корней Чуковский, Исаак Бабель, Илья Эренбург, Борис Пастернак, Илья Ильф, Евгений Петров, Николай Заболоцкий, Валентин Катаев, Александр Фадеев, Константин Симонов, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Булат Окуджава, Белла Ахмадулина и др. Об этом сообщает портал «Подмосковье сегодня». До станции гости доедут на электричке в сопровождении гида.

Напомним, в Московской области возобновляется проект «Экоэлектричка», в рамках которого туристы на поезде посещают памятные места региона.

(По материалам газеты «Известия»)



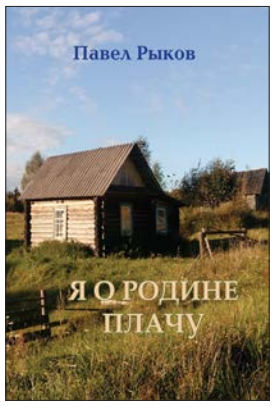
Учадьба Марфино. Фото Е. Степанова

ПЬЕДЕСТАЛ

ТРИ КНИГИ НЕДЕЛИ

Еженедельно в рубрике «Пьедестал: три книги недели» – лучшие книги, выпущенные как издательским центром «Вест-Консалтинг», так и другими издательствами нашей страны. Это наш пьедестал почета – книги, которые мы рекомендуем вам, уважаемые читатели!

Нина Краснова
Золотой самородок из Хасаута-Греческого
М.: «Вест-Консалтинг», 2018



Павел Рыков
Я о Родине плачу
М.: «Вест-Консалтинг», 2018

Артур Григорян
Первый Апокриф
М.: «Вест-Консалтинг», 2018

СВЕТЛАНА ЛЕОНТЬЕВА
МЫ НЕ ОДИНОКИ

***Светлана Леонтьева** — поэт. Родилась в 1966 году в городе Свердловск. Окончила Высшие Литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Главный редактор альманаха «Третья столица». Живет и работает в городе Нижний Новгород. Автор многих книг и публикаций.*

* * *

Маленький мой, миленький, отмолю
я у всех невзгод тебя, островов океанских,
под подушку недаром в колыбельку твою
я иконку клала по-христиански!
По-Юлиански все календари!
По-старославянски все древние тексты.
Еще когда ты был у меня внутри
и слушал ритмы моего сердца.
А теперь! Это же надо ты вымахал как!
Школа, институт, работа и армия!
А нынче в мире пиры вытанцовывает сквозняк
на все свои, сколько есть, полушария.
Девушка — белые волосы изо льна,
та, что вчера тебя бросила.
Как же она могла? Как же могла она?
Так поступить, стоеросовая?
Ты, словно Ивашка, у ног ее льды
ровно укладывал кубик к кубику!
И ты пылинки сдувал, целовал следы,
ты разрисовывал маковки бублику!
Это из сцены: что нас не убьет,
то искорежит до деформации.
Другая придет — сахар, нектар, мед,
жаркий песчаник кварцевый!
Баррель поднимем. Выплетем предузорье в кистях.
Алые паруса сошьем из бархатистого ситца!
Мамы они такие — не унывают, не льстят
и не стареют, пока их белокожи лица.
Но если что-то, то враз
волосы в белой поземке…
Шрамы — вся жизнь, ты пойми, — не экстаз!
Эрос, Сизиф и головоломки…
Мир – на крови. Пенье, звон гильотин!
Скрипку нещадный Нерон прижимает к предплечью.
Женщин безумство, продажность, наркотики, сплин
душу калечат.
Если пожарищ несу я тебе города, имена,
всех от века начального войн в генетических кодах!
Ничего я исправить, хоть надо бы, но не вольна,
боль за державу, страдания, дерево рода!
Смелый мой мальчик, тебе я вручаю сей меч,
луки да стрелы, что прадед сковал богатырский!
Как мне хотелось тебя от беды уберечь.
С первой бедой
ты — сразился!

* * *

Не с ума ли сошла ты, девица?
Не с ума ли сошла ты, красная?
Посадила бы лучше деревце, приласкала сыночка ясного!
Ты же — в тонких чулочках, в платьишке,
что чуть-чуть прикрывает трусики…
Слышу я — это хрустнула матрица всей земли
под людской нагрузкою!
За платочек цветастый, яблоко, за кольцо,
жемчуга да яхонты —
к нам из древности, время зяблого, из горнила
(не словишь плахами,
не испугом, кнутом не вытравишь) —
покупное ты тело бабское!
Ни судьбой, похвальбой, субтитрами,
ни какими не выдрать красками!
Вот стоишь на шоссе. Качаешься, словно яблоня.
Груди спелые,
араратные, горностаевы. Кто ж ваял тебя, каменелую?
Всех блудниц оправдать могу запросто.
Всех Катюш, что в романе, Масловых!
Я сама была временем сцапана, торговала хореем, анапестом.
На трех службах горбатила — дворницей, санитаркой,
уборщицей, поваром!
Ни судья я. Ни ангел. Ни скромница.
И ни снежная баба ведерная.
Вас в порту, где солдаты, матросы ли пруд пруди,
да в домах терпимости –
все равно отрастить хочу космосы и призвать хочу
к падшим — милости!
Вон той нищей — рюмаху красного.
Наркоману — доз марихуановых.
Проститутке — по Блоку страстному,
по поэту в страстях путановых!

* * *

Невозможно родной, незабываемый мой,
о хотя бы коснуться рукой, о хотя бы погладить ключицу!
Так волнующий, обжигающий до спазм в гортани, до войн,
до бомбежки, где окна навылет. О, где б схорониться!
Во снах не разыщешь подвалов,
все закончились лазы и чердаки,
все разрушены крепости, все проданы в рабство
чудные самаритянки!
Все вишневые косточки сгрызены, орешки кедровые, позвонки
слузганы. Нет покрывал, крыш, бомбоубежищ.
Остались подранки:
чувство обиды — в крыло. Чувство потери — навылет. Страсть
вообще в голову ранена. Мозг — кровавое месиво.
Сердце давно мое стало тем самым факелом в масть,
а оно первоначально так много, так афродитово весило!
Если бы ты изъял из меня хоть каплю тоски,
что тебе стоит слизнуть губами заледенелую слезку?
Вот пойду сегодня в кафе. Чай, бульон, пирожки.
Вот пойду сегодня — напьюсь в доску.
И смазливый бармен, то ли Гиви, Варган ли, Иван
подносить будет содовой, сок и, конечно, лимонные дольки!
Раскромсал ты мне мир на кусочки, на сдвиг, океан,
на Шекспира, на Данте, Вийона. Как Горький:
обучение ранам онлайн. На империю зла.
А еще на добро, серебро, на алмазные правды.
Как поеду обратно? Кафе закрывается. Как за козла
я отвечу? А Гиви, Варган ли, Иван проводить меня рад был!
Он такой молодой. Я старуха. Но в самом соку.
Он откроет мне дверь. Он поможет мне вжаться в сиденье.
Но тебя слишком много во мне. Я тебя берегу.
Я тебя не отдам никому, ни за что на съеденье!
Я прошу проводить. И не трогать меня. Как же взрыв
можно гладить, любить? Под водой корабли, субмарины.
А во мне не овалы, не луны, а просто углы.
Плакал Гиви повинно.
Я ему объясняла, что я половина того Байтерек,
что по-тюркски огромное дерево — корни и крона.
Что никто для меня не умен, ни смазлив, не из мекк,
что никто для меня не законный супруг. Он — законный!
После ехала пьяная. Где же ты, где ДПС?
Объезжая сугробы, препятствия, казни, Париж, гильотины.
А тебя просто нет. Ты — фантазии плод.
Больше нет, чем ты есть.
Мой любимый!

* * *

Что вверила в руки твои
Клаасовый пепел у сердца.
Весь космос мне душу скровил,
и кто же тебя подкупил
за несколько жалких сестерций?
Так раб может стоить. Цена:
смех Августу Октавиану
в Помпее. Какого рожна
я нынче пригвождена
к скале, ко кресту и к капкану?
Ужели ты из стихо-дрязг,
из шлюшных сетей социальных,
ужель ты из тех, кто предаст
за жалкий кусок премиальный?
Заказчик — все тот же the best,
вулкан, сжегший Рим — исполнитель!
Наивная я! «О, поймите!» —
вопила продажной элите.
А эллины — масло и шерсть
на рынок несли. Караваны
текли. Доблесть, слава и блеск
царили — легки и туманны!
Я думала, ты мне — сестра!
А ты — мертвый город. Продажны
в нем женщины. Я в твоей краже
не лучше, не хуже, не гаже.
Икарами рифма щедра!
Шопеном. Есенинской плахой,
повешенным шарфом, рубахой,
расстрелянным небом в упор.
И файл и портал нынче стерт.
И клинопись нынче в ожогах,
я выращу ухо Ван Гога.
И — в порт.

Там матросики бродят,
охранники на теплоходе.
Девицам продажным привет!
Наташе, Катюше, Ириске.
Я вся в Прометеевых искрах,
во мне Прометей ранил свет!
Я нынче продажных люблю.
Тебя и простых проституток.
Мне больше ни больно. Ни жутко.
Мне больше никак. По нулю!

* * *

Сердце вырывается — в потоке
я со всеми — женщинами, миром,
с белым светом. Мы не одиноки.
Статус мой, как все здесь, пассажира!
Статус мой — в метро, на эскалатор,
обогнать старуху в теплой шубе
и еврейку, что с лицом помятым,
и таджичку!
Стоп!
«Михайло Врубель!» —
пела я, вздыхала, умирала!
Стены плача строила забвенно!
Здесь для нас творил художник яро,
из-за нас он резал свои вены!
Мой народ — планетный, звездный, гордый…
Ах, мужчина, локтем — да в лицо мне!
Если надо мною целый город,
надо мною кладбище, что с Цоем.
Площадной, Васильевский здесь остров,
жжется так, как будто током песня,
что ж вы не пришли, товарищ Бродский,
умирать, коль обещали, здесь вот?
Перечислю — звезды, Врубель, дети.
Посчитаю — сердце. Только сердце!
Чемоданы, сумки, вещи, сетки.
Ток по мне. Во мне. Амперы, герцы.
Теснота. Обгон. Обход. И давка.
Ничего не смыслю я в культуре!
Лишь в душевных муках и удавках,
в боли, фобиях и в пуле-дуре.
Кукловоды нынче, куклы-нити,
теле-бред и теле-блуд исподней.
«За три моря» уходил Никитин,
за три неба я иду сегодня.
Парапет. Скульптуры. Львы вмерзают
прямо в лед, зубами держат цепи.
Снег и все тут. Тучи, сборы, стаи.
Зыбь столетий.
Выдыхаю, пар летит над Мойкой,
шарф срываю яростно и грубо.
Бродский умер в ветреном Нью-Йорке.
В Петербурге от чахотки — Врубель!

Окончание на стр. 3

СВЕТЛАНА ЛЕОНТЬЕВА

МЫ НЕ ОДИНОКИ

Окончание. Начало на стр. 2

* * *

Для Руси сто веков, я скажу вам, не срок,
это жаркий костер, что пылает во тьме.
Что во мне (до меня!). До того, как курок
возведен был, до стрел, до копья, до камней!
И до скифского лука, пищалей, секир,
всем, чем шрамы наносятся в спину, в ребро.
А из этих ранений багряных — весь мир
вырастает, и льется поверх серебро.
А из этих ранений голубки летят,
из глубоких, колодезных зори встают.
Ей отраву дают, зло, исчадия, яд.
Русь святая в ответ: сажень правд, солнца пуд!
Кладовая моя! О, Лилейная, ты!
Для Руси сто потерь, я скажу вам, не крах.
У нее свой обмер. Свой объем высоты.
Как дитя, она космос качает в руках!
Если Пушкин — всегда! Тютчев, Лермонтов, Блок,
Римский-Корсаков, Глинка — таких легион!
Ничего ей — не время. Ничто ей — не срок.
Ничего ей — война. И проклятья вдогон.
У нее есть идея. Она же мечта:
в каждой боли дымиться сквозь пулю и штык.
Ее угль, ее пепел, зола, береста,
что в кленовых ковшах. Если вечность ей — миг!
В ее пальцах. О, тонкие пальцы ее!
О, возможность светиться и переплавлять!
Людям что? Люди молятся за бытие,
хлеб да мясо, за зрелища и за кровать!
И в иступе, испуге и в пьяном хмелю
не о царствии неба под небом вопят.
А я больше и горше Россию люблю,
если трудно ей, если торнадит Пилат.
Но не выколодовать, не сломить, не продать
на Титаник билет ей по сходной цене.
Алтари наши с нами и Божия рать.
Для Руси не огонь даже сотни огней!
И когда я скажу — не залепите рот!
И когда закричу — не содвинете мрак!
Из груди вам не выдернуть мой русский ход.
Если выдернуть, то вместе с сердцем. Вот так!

* * *

Руки впаялись в объятья, словно в кириллицу ять!
Не разжать! Не разорвать!
Разве только вместе с руками
моими тебя от меня оторвать.
Руки мои — искрят проводами
в тысячи вольт и ватт!
А я заряжена солью-слезами, русскими сказами, лесом,
полями,
ты мне — мой Авель! Мой брат!
Как отпустить тебя встретиться с Каином:
с Нерусем-воином, что за чертой?
За виноградною, красной окраиной
в разэсэсэриной родине? Стой!
По ноги, под руки кинусь! Буланому
в сбруе серебряной я нашепчу,
чтобы хозяин был с ляхами, паннами
поосторожней! Что меря и чудь —
финно-угорская дюже презлющая!
В мире смешалось все. Ось сорвалась.
Спицы нам в ребра натыканы пущами.
Видно, столетьями плавили злость.
Я — на дорогу, на рельсы, на взлетные
полосы тело кидаю свое — удержать!
Кабы могла, то разбила твой сотовый.
Коли не брат — так упала б в кровать!
Нерусь треклятая, жадная, зычная,
(Нерусь бывает и русскоязычная!)
купленная за подачки, борзых,
дачи в Майями, за евро-монеты.
Русь — это больше! Не просто язык!
Русь — это космос и солнца рассветы!
О, как мне нынче ужасно и больно.
Слово, что кость, давит певчее горло.
Словно нутро мое сплющено, смято.
Боже, не дай вам отъять, как я — брата,
зная, что камень у Каина, смерчи,
грады, ракеты, штыки и снаряды,
я не могу, чтобы «аривидерчи»,
«чао-какао»...
Пускай искалечен.
Но возвращайся обратно!

* * *

Ты пришел проверить: крепко ли захлопнуты силки,
хорошо ли стянуты мои лапки,
в мышеловке все также бесплатно раздают сырки.
Что я все такая же — без оглядки.
И что мои крылья, сложенные как салфетка
вчетверо, аккуратненько так, у тебя в кармане.
И что я для тебя все та же Светка,
все в том же о «Карениной Анне» в романе.
И так же — голова... рельсы... рейс,
и тот же поезд Москва — Нижний.
Ну, вот проверил? У Стен плача нет мест,
островов сухих, бесслезных, булыжных!
До нитки промокли от плачей, от грез.
А я еще анекдоты травлю, чего-то там пыжусь!
Я с рифм сбиваюсь страною Оз,
я слепая как тот чилижник.
Не ухожу, не бегу. Идти незачем. Нет дорог, бежать.
Вглубь себя? А там лишь пыль Карфагенов,
окурки, плевки, мысль, что бомжа,
торговки, уловки. Я вся — внутривенна.
Отчитываюсь, в меня влюблены:
торговец оружием, заправщик на бензоколонке.
Я тебе не жена, даже не пол-жены
Так... эпизод. В руках — ящеренка...
Не убегаю. Жаль мне своих хвостов.
Когда они рвутся, это очень-преочень больно.
Может, зайдешь? Переждешь в моей кровати все сто
проливных дождей, снегов престольных?
Я когда стану обнимать, то смолкнет смерч...
А когда твое лицо луною надо мной раздробится,
будешь биться мне в сердце, как пламя всех свеч.
Как в силках я —
синица!

Фото Е. Степанова

* * *

Он помнил все Египетские кошачьи ночи.
Он был кот-зверь, кот-сторож, мышелов, зодчий!
Сколько раз доставалась соседским котам
от него! То уши порвет, то искусает лапки.
Да что котам, орущим с пеной у рта?
Моего кота боялись даже собаки.
Он себе добывал из моего супа кур,
нанизывал мясо на острые когти.
Если бы я умела рисовать картины в стиле сюр
или лечить людей, как Болотов в декокте.
Если б умела. Но я не лечебна. И не пишу
пушисто. Так предательски верно.
Так солнечно. Что заточенному карандашу
курится нервно.
Кот пропал в тот день, когда я бросила тебя.
Это было в декабре, в пятницу, тринадцатого.
Мы помирились в первых числах сентября.
Кот вернулся — вальяжно, гарацево.
По-Державински мудро, по-Пушкински так светло,
архидеево, архимедово. О, счастье,
это ты так дразнишь!
Отбираешь. Уводишь. А когда совсем сожгло,
даришь все семь Египетских казней!
Я же тебя выводила из себя
тетрациклином, зеленкой. Бациллы. Ферменты.
А ты лежал у ног. Я кота, любя,
долго мыла в ванной. Где был он? А где — ты?
Кот орал. Царапался. Таращил глаза.
И однажды совсем не нарочно умер.
И в ту ночь мы поссорились. Так нельзя
ссориться ночью! Неумно, но шумно.
До сих пор мне слышится певучее, мяучее «привет»,
я выхожу на улицу, всем кискам — Виска-с,
словно нищим на паперти горсть монет.
И тогда я вижу твой серебряный свет
близко!

* * *

Мне везло на учителей.
Одною из них была Мария Антоновна.
И когда в магазине вижу антоновку,
то беру яблоко в руки. В нем мед, елей...
А еще были у меня учителя —
вся литература русская это тоже учитель!
И еще, когда начинаешь в сотый раз с нуля,
и кричишь всем ветрам — рвите!
А когда по-язычески кланяешься всем дождям
атмосферным, кислотным, серным с примесью йода
на размытой до глины дороге, когда непогода
среди леса, луж и глубоких ям,
дождям, словно учителям!
И кричишь, руки воздев, посреди полян
в горицветах, ромашках: «Закрой, небо, кран!»
А оно, словно в тысяче шрамов и ран
из моей груди выполаскивает, вымывает,
чтоб вновь по нулям.
А еще мальчик в подворотне
с ножичком — просто так, попугать!
А я всю жизнь задыхаюсь после такого испуга.
А еще бабушкина в ситцевых бликах кровать
наподобие доброго друга.
Учитель может целить, волхвовать.
Даже луч света. Даже котенок пищащий — учитель,
когда ты спасаешь его дрожащего! (Так твою мать!)
Покупаешь еды, молока, наполнитель.
А я всю жизнь учусь добру,
например, у старухи (ее бросили родственники),
например, у побитой собаки, прячущейся в конуру,
чем-то больше, чем сердце — поступью, россыпью,
растерзанной космической блесткою, осыпью.
Я учусь добру каждый день по утру,
даже если мне в землю жесткую!
Високосную. Подколесную. Медоносную.
Стоп! Тпру!
Был еще один учитель — моя любовь.
Он такой величавый, из разряда гениев!
Он был поэт. Юрий Кузнецов.
Он умер в день моего рождения!

ИЮЛЬ. 1635 ГОД

Пауль Флеминг, прибывший в Нижний
с Филаретовой стороны,
что увидел сквозь этот рыжий
отблеск, ты глухой стороны?
Деревянного крепь базара,
суету сквозь семнадцатый век,
разной немощности немало:
проституток, торгашек, калек?
Запах лука и крепких настоек,
из бараньих мозгов жирный суп.
Нестерпимо отвратен и горек
мертвой лошади брошенный труп.
И сбегалась голодная стая —
рвать куски, из Посада, собак.
Ах, Рождественская, ах, родная,
мужики курят терпкий табак...
Помнишь ли Кошелевку? Забыла?
Двор Гостиный, а перед мостом
Алексеевскую — ни настила
не осталось, ушло все на слом —
площадь! Сколько их разрушали
неразумных «горячих голов»...
Утоли все мои печали,
помоги мне, моя любовь!
Город Нижний — от века до века
ни от ненависти, ни от любви,
ни от птицы, зверья, человека
не открещиваясь, живи!
...Мы — в кафе с моим другом давнишним
на Почайной. Мы пьем терпкий чай.
Пауль Флеминг, зачем ты в Нижний
припожаловал, отвечай!
Ты отправился в Персию. В тоне
золотистом, узорном, цветном
на трехмачтовом, что в затоне,
корабле. Безмятежным путем.
И так долго тянулся запах
дорого парфюма, как шлейф,
и муссировал наглый Запад,
что на Волге бывал в палатах,
как сейчас говорят, светский лев!

ИННА РЯХОВСКАЯ
СУТЬ ПРЕДМЕТОВ

***Инна Ряховская** — поэт. Выпускница филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Живет и работает в Москве. Автор многих публикаций. Член Союза писателей Москвы и Союза писателей XXI века с 2016 года.*

ЖАЖДА СЛОВА

На муку что ль дана мне эта жажда Слова?
Сказать... Назвать... Все сказано — и впрок.
Но силой непреклонной и суровой
зачем-то в руку вложено перо?
В открытое окно вошло пространство ночи,
кружение светил и аромат земли.
Чем глуше тишина и чем в ней одиноче,
тем ярче свет в душе, слышней ребенка всхлип.
И постигая суть предметов и явлений,
увидит сердце то, чего не знает ум.
Зрачок мой и радар, мое второе зренье...
В черемуховый снег плыви, хмельной Колумб!
Когда накроет вал волны воображенья,
наитьем обретешь гармонии лады
в хаосе, в суете подспудного движенья,
и строфы возведешь, и звучных рифм ряды
(сродни здесь зодчего размеренный талант).
За строчками лечу, вперед, не поспевая.
Что будет? Мне, увы, неведом тайный план.
Гортанью воспаленной выпеваю
мелодию, звучащую во мне, —
раба ее и созидатель наравне.

АВГУСТОВСКИЙ САД

Мой сад звенел, весь в птичьих перепевах
и бликов солнечных затейливой игре,
благоухающий, цветущий, спелый,
в плодносящей августа поре.

Раскрылся день нечитанною книгой,
неведом был грядущего сюжет.
Настраивали лютни аониды,
стрекоз вершился незатейливый балет.

Дышало все творящей, зрелой силой,
как женщина, родящая дитя.
И по плечу любое дело было,
все удавалось споро и шутя.

День разгорался, светозарен, ярок,
и ворковали нежно сизари.
И зарево румянящихся яблок
соперничало с заревом зари.

Всего и надо: дней неторопливость,
в обнимку с Музой вдохновенное житье,
несуесловие, несуетливость...
И знать, что это — кровное. Мое.

СОЛОВЕЙ

Голосистый соловей
от Алябьева с приветом
прилетел ко мне с рассветом
и защелкал под окном.
Распрощалась я со сном.
Песней уведет своей
к тем черемуховым тропам,
где ветвей душистых ропот
и жемчужны облака
нежно-лунного цветка,
к тем далеким голосам,
к той любви, что не вернется...
Сердце вздрогнет и забьется.
Аромат, и звук, и цвет
опахнут из давних лет,
где сияли небесам
юной девочки глаза.

ЭХО
(Воспоминание о Варшаве. Лазенки, 1976)

Эхо дальнее юной любви,
жизни той, что ушла безвозвратно.
Не кори, не вини, не зови —
ничего не воротишь обратно.

Только в музыке все оживет
и нахлынет виденьем Варшавы,
где рояль черной птицей плывет
на помосте, в листве, как в оправе.

И трагический город на миг
взмыл ноктюрном, высокою нотой,
чтобы каждый дорогу постиг
к возрождению — от эшафота.

Парк в Лазенках душист и тенист,
тихий дождь, влажно-бархатный вечер.
И колдует слепой пианист.
И Шопен обнимает за плечи.

* * *

Вот скрипнула сухая половица,
в ночи вскричала потревоженная птица,
заплакало дитя за тонкою стеною,
но это не разрушило покоя,
текучей тишины не возмутило,
а лишь усилило и перевоплотило
в нее всю обступающую данность,
сгустило в звездно-бледную туманность.
Я в ней, как в коконе, качаюсь одиноко,
пока зари полоска на востоке
не разгорится, заполняя небо,
и солнце выловит тугой, незримый невод.
И высветится стол с черновиками,
что прорастают новыми стихами,
строфа, что рифмой сцеплена в кольцо,
и от бессонницы усталое лицо,
на полках — корешки любимых книг
и утра раннего неповторимый миг.

* * *

Не ускользай от меня, погоди!
Не уходи в ледяные дожди,
в охряно-сумрачный свет ноября,
взмахом руки на прощанье даря.
Оцепененье души и ума.
Дышит на стекла седая зима.
Встречным дыханьем протаю окно —
крутится снежное веретено.
Пусть помело равнодушной пурги
спрячет следы и твои, и мои.
Я отыщу те тропинки любви,
где в вешних рощах поют соловьи,
где медуниц голубые цветы
вторят лазурной реке высоты.
В яростном мире непросто найти
к сердцу от сердца дороги-пути,
душу родную в потемках сыскать.
Нет, невозможно друг друга терять.

* * *

Еще не все погасли свечи —
одна, упрямая, горит.
Перед беспомощностью речи
молчанье больше говорит.

И память птицей сизокрылой
своим крылом обнимет нас.
Я ничего не позабыла —
я помню каждый день и час:

слова, что ты шептал мне тихо
в осеннем сумраке ночном,
беду и радость, счастье, лихо,
сирени запах под окном.

И этот неостывший пламень
осветит путь в аду, в бреду,
когда неверными стопами
по краю пропасти пойду.

* * *

Истончается день, увядает,
стрелки еле ползут на часах.
Тихо сумерки в город вползают,
и летит снежный, тающий прах.

И сиротства вселенского эхо —
в суетливой усталой толпе.
Декабря одинокая веха.
Монотонного ветра распев.

О, согрей мне озябшие пальцы
и вдохни теплой радости свет.
Подари мне волшебные пяльцы,
чтоб я вышила летний букет.

Пусть иголка, порхая, спроворит
васильков и ромашек наряд,
зимним вечером, будто бы зори,
пусть в нем алые маки горят.

Показалось, что в комнате тесной
нам защелкали вдруг соловьи,
и слетелись все птицы небесные
в луговые поляны мои.

И стежки вдохновенные лягут
на пустынную почву канвы.
А под снегом мерещится взгляду
разноцветье цветов полевых.

Окончание на стр. 5

ИННА РЯХОВСКАЯ

СУТЬ ПРЕДМЕТОВ

Окончание. Начало на стр. 4

КАТАЛОНСКИЙ СЕНТЯБРЬ

Я в Каталонии мятежной.
На побережье тишина,
А в городах бурлят надежды,
что будет вольною страна:
для счастья надо отделиться,
навек с Испанией проститься,
кормить не будем короля,
и заживем все — о-ля-ля!
От лозунгов и горлопанов
несет дешевым балаганом.
Как все знакомо — дежавю.
Всяк правду слышит лишь свою…

Хоть час езды от Барселоны,
вод бирюзовых мирно лоно.
Над моря чашею безбрежной
головоломкою Дали,
девическим румянцем нежным —
закатный горизонт вдали.
Ласкает шелковое море,
и Бланес в складках гор прилег.
Там — парус реет на просторе,
там — чайки плавный перелет.
Вхожу под арки древних замков:
вот-вот возникнет Дон Кихот
пред изумленными глазами
из старых каменных ворот.

Когда за сотни миль от дома
меня одолевает дрема
и полный диск луны блестит
над Пиренейскою грядою,
дорожкой, серебрясь, бежит
ко мне поверхностью морскою, —
с тобою не разъята связь,
и над границами смеясь,
к тебе я переброшу мост
воспоминаний, мыслей, звезд...

Мила глазам краса чужбины.
Но сердцу все-таки родней
в дождях багряные равнины
печальной родины моей,
и музыка осенних звонов,
рощ медно-ржавые цвета
в холстине неба блекло-сонной,
и потемневшие затоны,
и городская суета —
обычной жизни маета.

…Умчится листопада замять,
завьюжит белая пурга,
и полыхнет живая память
испанской розой на снегах.

8 октября 2017, в самолете «Барселона – Москва»

НЕЧТО МИСТИЧЕСКОЕ

В декабрьской кутерьме и новогодней лени
мелькало что-то там, на заднем плане, тенью.

Но вот на Святки вдруг мне сон был иль виденье:
смещенье звезд и сфер, луны коловращенье,

и некий господин, почти что инфернальный,
шептал какой-то бред, докучный и банальный,

но повседневных бед снимал чумное бремя,
казалось, раздвигал пространство он и время.

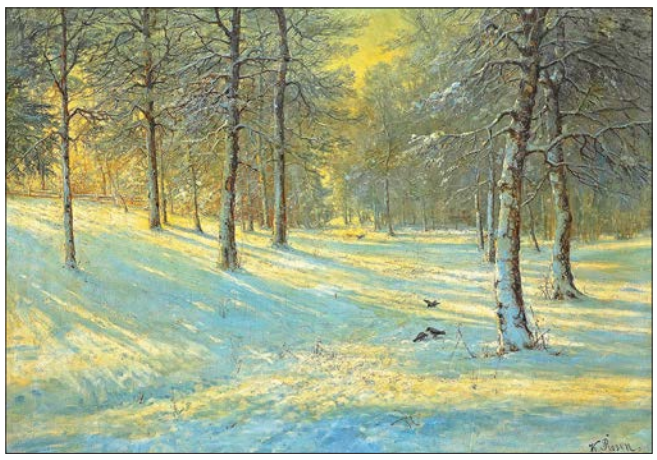
Пытаюсь разглядеть — черты неуловимы,
вот только боль сквозит порой в гримасе мима.

То вкрадчив, то смешон, трагичен, скоморошен,
то доведет до слез, то шуткой огорошит.

Любовью поманит, надеждой взбудоражит…
Глядь, а объект любви с душою в хлопьях сажи.

Вязанки пышных слов, трескучих, пошлых истин
щелчком двух пальцев вмиг в ранг мусора зачислит.

Пожалуй, даже стал мне чем-то симпатичен,
парадоксален ум, остер и артистичен.



Взрывает смыслы он, и постигаешь снова,
как на заре времен, всю первозданность Слова.

Покоя не дает, тревогой наполняет,
ни в чем и никогда он устали не знает.

Не мистик я, но, чу! — в реальности столицы
под полами пальто бикфордов шнур искрится…

* * *

О, вымысел, ты — божество
И детская игра поэта,
Блик лунного луча,
Сноп света, —
Искусства суть и естество,
То, чем душа вещей согрета,
Что сводит судорогой рот
И в струнах Вечности пропето.

И обретают плоть и путь
В косноязычье бормотанья
Неясных звуков сочетанья.
А под словесной легкой тканью —
Гармонии живая ртуть,
Неуловимый переход
От контрапунктов осязанья
В реальность нового сознанья.

Воображения полет
Над ломкостью прозрачных вод.

* * *

Мир исчислен, измерен и взвешен
на Всевышних весах роковых,
найден легким, ничтожным, кромешным
в устремлениях ложных своих.
«Мене», «текел» и, видимо, «фарес» —
на стене проступают слова...
И надежды почти не осталось…
Хлеб — полынь… Горький дым… Трын-трава…

* * *

Девушка пела в церковном хоре
о всех усталых в чужом краю...
...Причастный Тайнам, – плакал ребенок,
О том, что никто не придет назад.

А. Блок

Почитай мне что-нибудь из Блока:
про пылинки дивных дальних стран,
и как призрачную незнакомку
петербургский поглотил туман…
Голос девушки в церковном хоре

обещаньем радости звенел,
в неутешной боли вечном море
о надежде возвращенья пел.
Пронеслось проклятое столетье,
и невинным жертвам несть числа,
выбило их обухом и плетью,
смерть без счета жизни унесла.
Обреченно-тихий, слабый, тонкий,
словно бы с небес, от Райских Врат,
целый век все слышен плач ребенка…
И никто не возвращается назад.

ПОЛНОЛУНИЕ

Полнолуние. Тревога.
То озноб пробьет, то жар.
Вьется млечная дорога.
Над землей клубится пар.
Хронос маятник из меди
раскачал — не удержать.
Время жизни. Время смерти.
Миг — любить. Миг — умирать.
Не обдумать все неспешно
и не взвесить на весах —
мчится век, чумной и грешный,
на поднятых парусах.
То удача, то проруха.
Метлы времени метут.
Три согбенные старухи.
нить судьбы моей прядут.

* * *

Поет Орфеевою лирой даль,
ей вторит эхом голос Эвридики.
Апреля нежность и весны печаль,
листвы проклюнувшейся легкая вуаль,
зимы стираются последние улики.
Счастливый бомж разнежился с утра
на разогретой солнечной скамейке,
чинарик закурив. И бликов перестрелка,
и гвалт, и щебет птиц — у них своя игра.
Долой из города — на волю, на простор,
где розовы березы на закате,
и росный жемчуг падает на платье,
и мать-и-мачехой сияет косогор.
Трудяга-дятел оглашает лес
своим веселым барабанным стуком.
Столпотворенье запахов и звуков.
В зерцалах вод бессмертен лик небес.
Дышать — не надышаться! Пить вино
весны, хмелея с каждым шагом
и наполняясь юною отвагой,
и верить, что не все предрешено.
Утраченная в каменном мешке,
нам здесь еще так явственна свобода,
живая жизнь дает упорно всходы,
и пребываю от восхода до восхода
со всей Вселенною накоротке.

Но в воздухе разлитая тревога
сгущается у самого порога.

* * *

Век ищет краткости — он строг
и в отношениях, и в слоге.
Едва наметившись в прологе,
уж состоялся эпилог.

И, как курьерский, жизнь летит.
Дай насладиться, наглядеться…
Мелькнуло полустанком Детство —
а вот и Юность позади.

Прекрасны Зрелости года,
осенней мудрости прозренья.
Мед собран. Времени даренья
пришла счастливая страда.

В одном лишь перегоне Старость…
Еще чуть-чуть — конец пути.
…О, как непросто нам пройти
с достоинством то, что осталось.

Иллюстрации: И. Левитан, К. Розен, К. Викас, Г. Райленд

ИЛЬЯ ИМАЗИН
ДЕРЕВО-ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ

***Илья Имазин** — поэт, переводчик, прозаик, художник. Родился и проживает в Ростове-на-Дону. Изучал филологию, философию и психологию в Ростовском государственном университете, параллельно осваивал различные виды декоративно-прикладного искусства, экспериментировал в области книжной иллюстрации, дизайна, веб-дизайна. Имея художественное образование, на протяжении многих лет разрабатывал эскизы ювелирных украшений, занимался скульптурой малых форм. Несколько лет проработал матросом на сухогрузе. Дебютировал в рамках литературного проекта «Глупый дом», в подготовке которого принимал участие, в частности, разработал дизайн сайта (2004). Публиковался в журналах «Интерпоэзия», «Топос», «Homo Legens», «45-я параллель: классическая и современная русская поэзия», «Folio Verso», «Экзистенция», «Полутона». Переводил стихи У. Блейка, Э. Дикинсон, Э. Паунда, Т. С. Элиота, Р. Фроста, У. Х. Одена, Р. М. Рильке, Р. Десноса. Пишет большую и малую прозу.*

СЛУЖИТЕЛЬ МАЯКА

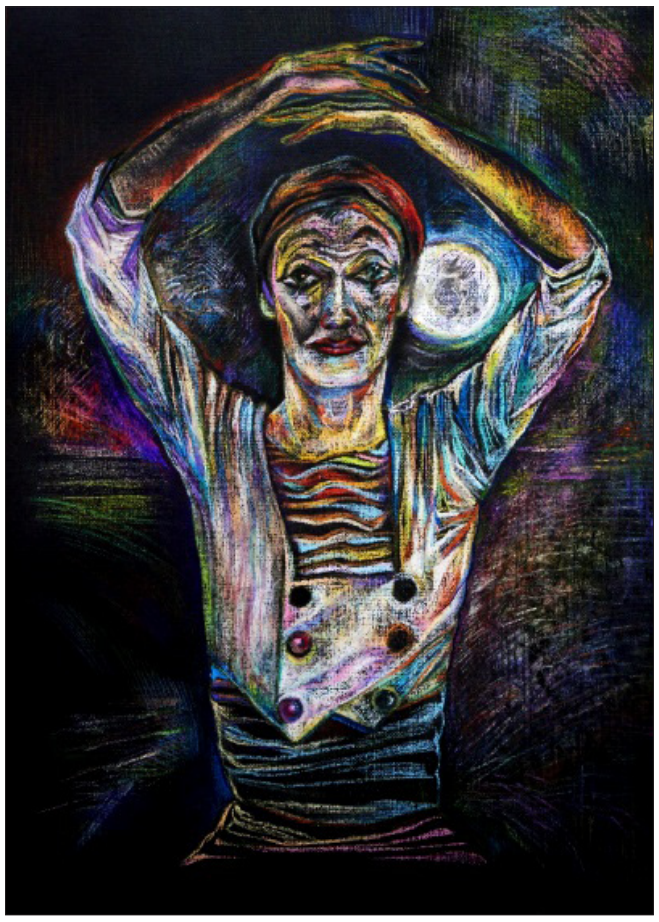
Чем ближе к горизонту, тем темнее,
Плотнее, гуще пенная лазурь.
Опора глазу, что устал от бурь —
Поверх зыбей струна или шампур,
Подобно апеллесовой черте,
Гораздо резче, и острее, и больнее
Всех прочих линий, вьющих гнезда в пустоте.

Бывают дни, когда и ангел хмур.
И одинокий парусник белеет
Средь волн и туч в кромешной темноте.
А по ночам Луна страшнее, злее,
Чем голова Горгоны на шесте.
(Вот и теперь она, как голый череп.)

И что мне море? Что его простор, гламур,
Стихии рев и кружево волнений?
В вечерний час сто тридцать пять ступеней
Ведут меня к вершине маяка,
И словно в Тартар вниз уходит берег.
Я был Колумбом здесь оставлен на века
Огонь поддерживать, что никого не греет,
Но виден всем во мгле, издалека —
Всем, кто в безвременье скитаться смеет.

ГОТИЧЕСКАЯ ПАУЗА

...Но не обрыв
— так часто случается:
Речь вдруг обрывается в пропасть,
Откуда лишь плотный туман поднимается,
Чтобы на миг говорящих окутать тревогой; —
Иначе:
как воспаренье, подъем
К свету, что льется в проем
Навстречу мольбам, возносимым Единому Богу,
В трепете, в плаче;
Как сам этот свет,
Вставший над нами столпом и продолженный шпилем,
Как тайна,
Как неизреченный ответ,
Который уста не ведают или забыли, —
Наше молчанье.



ДЕРЕВО–ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ

Оно повсюду следует за мною,
Всегда поблизости, куда б я ни побрел.
Из поля зренья ненадолго исчезает,
Но вскоре снова возникает за спиною,
И, обернувшись, вновь я вижу ствол.

Оно томится от любви, оно взывает.

Кто знает скрытую за этим тайну?
Быть может, получу я объясненье
У этого печального оленя?
Уж он-то должен знать, ведь не случайно
Два деревца на голове оленьей.

...и мне не избежать объединенья?!

Быть может, влюблена в меня дриада,
И лишь одна есть у нее отрада —
Всегда со мною находиться рядом?

И вот она заламывает руки
В неистовстве своей любовной муки.
О, нет! Она не вынесет разлуки!

Возможно, также Дерево Познанья
В Раю преследовало Первочеловека
И искушало, обрекая на изгнанье.
И из него Ной сделал мачту для ковчега.

Возможно, это лишь припоминанье
Идеи Дерева, всплывание в сознанье
Его прообраза на белом фоне снега.

Я пробежал большое расстоянье.
Лишь перевел дыханье после бега —
Вновь за спиною веток колыханье...

...ночь проведет оно в тоскливом ожиданье
У места моего ночлега.

БОГИ ГЕРОЯМ

Боги героям скитаться велят,
а возлюбленным — расставаться.
Тихое слово твое будет долго во мне отзываться
Гулким эхом в темном лабиринте.
Мокрой веткой с белыми цветами, или мокрой птицей,
Мерзнущей всю ночь на этой ветке,
Буду я сжиматься и дрожать, и не укрыться мне от ветра,
Покуда Ночь не приведет меня к Вратам Семи Блаженств.

И войдя в них, хочу я стать садом, заброшенным, диким,
В упоительном и тревожном твоем сновиденье.
Так Свет, проникая в зрачки, становится зреньем:
Зыбким образом Мира, что нами был познан в крушенье...

БЫЛ СОН

Был сон. Пророческий, тревожный, странный,
Он растворился после пробужденья,
И не узнаю я, какое сообщенье
Мне было послано сквозь пелену тумана.

Был страх. Исконный, первобытный, темный,
Без видимых причин, необъяснимый,
Он поднимался из глубин неотвратимо,
И цепенел я, одинокий и бездомный.

Был стыд. Сковавший тело, леденящий.
Смех, заглушавший ропот опасений,
И сожаление глухой порой осенней.
Еще был снег, чистейший и блестящий.

Был Свет! Неугасимый, тихий, вечный,
Пронзивший мглу отчаянья немого
И в Образ Мира превративший Слово.
Был Мир, необозримый, бесконечный...

АБЕЛЯР — К ЭЛОИЗЕ

Сестра! Кому дано судьбу узреть?
Пред кем она лежит раскрытой книгой,
Которая прочитана на треть —
Не более, — но фабула, интрига

Давно ясна? Кому ниспослан дар
Не откровения, но узнаванья?
Кто выше обольщений, грез и чар
Поднялся узкою тропой страданья?

Всю жизнь я вопрошаю... Где мой брат,
Двойник, что мне давно назначил встречу?
Куда бреду, петляя, наугад,
Ведомый сердцем, горечью и речью?

Сестра! С тех пор, как мы разлучены,
Меня преследуют былого знаки, звуки...
Какие нам скитанья суждены?
Никак не вникну в тайнопись разлуки.

ЭЛОИЗА – АБЕЛЯРУ

Возлюбленный учитель! Муж и брат!
Да укрепит нас в вере поруганье!
Когда живем мы слепо, наугад,
Господь нам шлет поводыря — страданье.

Куда оно теперь нас поведет
Тропами разными? В чем благодать удела
Столь горького — искать в пустыне лед,
В пучине брод? Не находить предела

Терзаниям, когда разлучены
Сестра и брат, душа и дух сурово?
Какие нам скитанья суждены?
На что нас обрекли Любовь и Слово?

Об этом вопрошал ты. Я сама
Все тщусь постичь урок этой разлуки,
И в благородном Облике Письма
Лишь мне видна тень твоей крестной муки...

К РОЗЕ

Впусти меня, прошу, в твой дивный сад,
Сокрытый от мечтательного взора,
В тот сад, что стал прообразом собора,
В обитель озарений и услад,

где окунусь я в свет и трепет,
где все, включая фавнов и наяд,
Творцу молитвенный возносят лепет.

Окончание на стр. 7

ИЛЬЯ ИМАЗИН

ДЕРЕВО-ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ

Окончание. Начало на стр. 6

В тебе — Эдем, вокруг — лишь тлен и смрад.

Не отпускай меня, прошу, назад,
В мир низости, отчаянья, раздора —
Елена, Ева, глупая Пандора —
Какая разница, кто виноват

в том, что вражда нам очи слепит,
что всюду царствуют бесчестье и разлад,
и каждый ближнему искусно нервы треплет.

Одну тебя всегда я видеть рад.

Не закрывай же предо мною створы,
Когда приду к тебе, нагой и хворый.

Впусти меня, о, Роза, в дивный сад.

ИЗГНАНИЕ ВАГАНТОВ

Прочь, мелкие бесы, ловцы юных душ, смехачи,
нечестивцы!
Бренчаньем пустым не смущайте невинных и сирых,
Себя не обретших и путь потерявших в неведенья мраке!
Не вам, словоблуды, горланить о Деве Пречистой,
В Божественный Свет облаченной, о Единороге...
Жрецы суесловия, прочь! Это место священно!

СЛЕЗА

Давно никто так нежно не касался
моей щеки.
Дитя безмерной скорби!
Ты проскользнула также мимолетно,
Как та, чей неожиданный уход
Определил твое возникновенье.

Ты унесла с собою боль и гнет
Раздумий горестных.
Твое прикосновенье,
Оставленный тобою влажный след —
Залог прорыва и преодоленья.
Ты — кульминация душевных драм и бед,
Но за тобой приходит облегченье.

Вода соленая, в ней отраженный свет,
Да форма капли — по составу и строенью
Едва ли есть бесхитростней и проще
Тебя души страдающей творенье.
Но прежний мир, словно в небесной сфере,
Сейчас сокрыт в тебе и обречен
Твоим падением на разрушенье.

Теперь уверен я, по крайней мере,
В том, что не так мне будет одиноко,
Когда ты вновь щеки моей коснешься
И шлепнешься легко и беззаботно
В мою ладонь, как в мягкую перину.

Малютка! Ты дана мне в утешенье,
Словно звезда скитальцу-паладину.
Тебя я представляю кроткой феей.
И в горести ты даришь умиленье,
Когда я замираю и немею,
Не в силах превозмочь свою кручину.

ТАНЕЦ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ЮНОШИ

Статен, изящен, галантен!
И как вихрь, отдается круженью!
Словно строки стихов Кавальканти,
Чеканны его движенья.

«Этот танец стал моим телом,
Моим пульсом, моим дыханьем.
Я объят, словно облаком белым,
Лютни чистым звучаньем.

Жаль, что в танец мой вдохновенный
Вовлекаются лишь клубы пыли:
Я танцую, самозабвенный, —
Все в безмолвном восторге застыли».

КАМОЭНС: С КОРАБЛЯ — ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Вот уже много дней я скитаюсь вдали от тебя,
Неустанно молюсь о спасении корабля
И порой опасаюсь, о горестном прошлом скорбя:
Ты отвергнешь меня, и не примет скитальца земля.

И душа, словно море, зубастых рептилий полна:
Угрызенья, сомненья... В хандру ухожу с головой.
Ослепленная солнцем, лишь пену приносит волна,
Чтоб соткать из нее, опечалив меня, образ твой.

Я боюсь, твои чары погубят не только меня.
Гибель ждет наш корабль,
ведь страсть с каждым днем все сильней.
Воды не угасили пылавшего в сердце огня —
Мореход и поэт, я томлюсь от любви много дней.

ЖЕМЧУЖИНА

О, как ты царственна, прелестная особа!
Как благородна, дивная синьора!
Была тебя укрывшая утроба
Твоею усыпальницей. Не скоро
На свет из перламутрового гроба
Явилась ты, чтоб стать усладой взора.

Когда-то ты была песчинкой малой
И, верно, по случайности попала
В обитель сна. Закрылись плотно створы.
Захвачена моллюском, ты сначала
Противилась плененью, причиняла
Боль деспоту коварному, который,
В конце концов, тебя закутал в покрывала.

Но вот сопротивляться ты устала,
Уснула тихим сном без сновидений.
Тогда в захватчике твоем проснулся гений —
— Пигмалион. Затратил он немало
Усилий, чтобы ты такою стала
Пленительной, о, чудо из творений!

И ты на волю вышла, как из чрева
Кита Иона, осознав призванье
Свое исконное, Божественная Дева, —
— Дарить нам, грешным, радость узнаванья
Того, чему мы не придумали названья,
Чем жили мы, пока однажды Ева,
Поддавшись чарам, не вкусила плод от Древа...

МИКЕЛАНДЖЕЛО В СТАРОСТИ

Я словно в панцирь костяной закован
И одиночество делю с нуждой.
А дух мой в тесном склепе замурован.
Микеланджело Буонорроти

Ты, из объятий тверди вырывавший
Свою великолепную добычу,
И замурованных титанов вызволявший,
Вдыхавший в камень муку и величье, —
Вдруг ощутил, что твой могучий гений,
Теряя силу, тонет в безразличье.

Толпой бесплотных и безликих привидений
Перед тобой предстали прежние творенья.
Плоды былых исканий и борений,
Они, как прежде, неподвластны тленью,
Но нет бледней созданий и бездомней,
Ты к ним питаешь ныне отвращенье.

Недаром названо Вороньей Бойней
Твое пристанище, ваятель одинокий —
Нет в Риме места неприглядней и зловонней.
Судьба с тобою обошлась жестоко:
Не благородный мрамор глыбой цельной —
Отбросов горы у тебя под боком.

Да! В мире все имеет вес удельный.
И тело бренное не избежит дряхленья.
Пусть Дух стремится к прочности предельной,
Нет созидания без разрушенья,
И все, что создано, однажды станет прахом.
Кругом лишь мрак и мерзость запустенья.

Так воспаренье завершилось крахом...

Иллюстрации: И. Имазин

РЕКЛАМА

Издательство Евгения Степанова

СПЕЦИАЛИЗИРУЕТСЯ НА ВЫПУСКЕ СТИХОТВОРНЫХ КНИГ

серия «АВАНГРАНДЫ»

Среди авторов издательства — первоклассные поэты:

Сергей Бирюков, Арсен Мирзаев, Александр Вепрёв, Андрей Ширяев, Анатолий Кудрявицкий, Ян Бруштейн, Александр Тимофеевский, Сергей Попов, Сажа Вепревадзе, Анна Гальберштадт, Эдвард Хирш, Константин Кедров-Челищев, Елена Кацюба и др.

Книги выходят по инициативе издателя — кандидата филологических наук, Президента СП XXI века Евгения Степанова.

Адрес электронной почты: **stepanovev@mail.ru**

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о государственной регистрации некоммерческой организации

Региональная общественная организация "Союз писателей XXI века"

109390 г. Москва, ул. Любловская, д. 47, пом. VII, ком. 1

Решение о государственной регистрации некоммерческой организации при создании принято "24" января 2011 г. Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве.

Запись о некоммерческой организации внесена в Единый государственный реестр юридических лиц "08" февраля 2011 г. за основным государственным регистрационным номером:

1 1 1 7 7 2 9 0 0 7 5 3 0 9

Начальник Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве В.В.Демидов

Учетный N 9 7 1 2 0 1 0 5 8 7

Дата выдачи "14" февраля 2011 г.

Союз писателей XXI века создан в январе 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

Президент Союза писателей XXI века — поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Союз писателей XXI века — общественная организация, объединяющая современных писателей из разных стран, налаживающая переводческие контакты, содействующая членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Зинзивер», «Зарубежные записки», «Футурум АРТ», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), альманахи «Илья», «Другие», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего интернет-портала «Читальный зал».

Каждый член СП имеет собственный персональный сайт.

Союз писателей XXI века — некоммерческая организация, которая существует за счет взносов и пожертвований.

Тел. для справок: (495) 978 62 75
Сайт: www.writer21.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАГАЗИН WWW.LITLAVKA.RU

В нашем Интернет-магазине Вы можете приобрести книги по ценам издательств без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.: (495) 971 79 25

Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

Реквизиты ООО «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»:

ИНН: 7723339052
КПП: 772301001
ОГРН: 1037723024877
ОКПО: 70006949
Расчетный счет: 40702810800670000380
Банк: ФИЛИАЛ «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ» БАНКА ВТБ (ПАО)
БИК: 044525411
Корр. счет: 30101810145250000411
Юридический адрес: 109193, Москва г, Кожуховская 5-я ул, дом № 13

Генеральный директор: Степанов Евгений Викторович

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг» предоставляет услуги в области перевода на английский и немецкий языки:

- **Редактура и перевод текстов рекламных материалов и выступлений официальных лиц;**
- **Подготовка и презентация различных отчетов для руководства международных компаний и корпораций;**
- **Разработка уставов, положений, регламентов и процедурных вопросов для компаний и корпораций;**
- **Написание новостных блоков по продвижению и продаже продукции;**
- **Подготовка финансовой и правовой аналитики, разработка бюджетов;**
- **Преподавание техник проведения и прохождения интервью, технических навыков, теории и практики продаж, ораторских навыков, подготовки и ведения презентаций.**

В нашей компании работают профессионалы самого высокого уровня, носители языка.
Тел. для справок: : (495) 971-79-25

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 7 литературно-художественных журналов, газеты «Литературные известия», «Поэтоград» и поддерживает 15 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com.ru

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Евгений Евтушенко, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Сергей Гандлевский, Евгений Рейн, Олеся Николаева, Геннадий Русаков, Владимир Новиков, Виктор Соснора, Юлий Ким, Тимур Кибиров, Наум Коржавин, Пётр Образцов, и многим другим.

Успешно функционируют разработанные ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт», сайт журнала «Знамя» и др.

Мы сберегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com.ru

Газета Союза писателей XXI века
и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com.ru)
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы
www.poetograd.ru, http://poetograd1.livejournal.com,
http://www.facebook.com/poehtograd.vestkonsalting
Общественный совет
Лео Бутнару (Румыния), Арон Гаал (Венгрия), Владимир Делба (Москва), Светлана Дион (Испания), Станислав Пенев (Болгария), Нелли Пигулева (Болгария), Константин Кедров (Москва)
Главный редактор
Наталия Лихтенфельд
Заместитель главного редактора
Фёдор Мальцев
Шеф-редактор
Иосиф Быковский
Заместитель шеф-редактора
Сергей Киулин
Литературный редактор
Ольга Денисова
Компьютерная верстка
Ирина Ракитина
Отдел рекламы и связей с общественностью
Ирина Горюнова
Интернет-версия
Максим Жуков, Николай Баринов, Наталия Лихтенфельд
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-47357 выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)